

СЕКЦІЯ 6 ЗАГАЛЬНА ПСИХОЛОГІЯ. ІСТОРІЯ ПСИХОЛОГІЇ

ПРОБЛЕМАТИКА ПОДРОСТКОВОСТІ В ПСИХОАНАЛІЗЕ: ТЕОРИЯ, ТЕХНИКА И ЭТИКА ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

THE ISSUE OF ADOLESCENCE IN PSYCHOANALYSIS: THEORY, TECHNIQUES AND ETHICS OF PRACTICAL WORK

У статті висвітлено ключові психоаналітичні ідеї щодо структурних перетворень, невідомих процесів і відносин з об'єктом, характерних для підліткового віку. Описано логіку підлітковості як низку послідовностей: від інфантильної психосексуальності до зрілої, від реактивації Первинного Едіпального комплексу до вирішення Вторинного, від уявної кастрації до Символічної, від «кастрованої» статі до жіночої, від Едіпального Над-Я до Культурного, від інцестуозного об'єкта до позасімейних виборів, від Імені Отця до символічної множини об'єктів ідентифікації. Відзначено, що програвання або вибір «неможливого об'єкта» – речі, алкоголю, віртуального контенту або «ніщо» – є спробою підлітка опанувати й переробити виклики пубертату. Автори також роблять огляд рекомендацій і технічних прийомів щодо техніки роботи з підлітками, що опубліковані психоаналітиками, і впорядковують викладені технічні аспекти питань психоаналітичної етики. Сформульовані такі 5 положень, які суміщують етику й технічні цілі в психоаналітичній роботі з підлітками: 1) дотримуватися запиту підлітка, супроводжуючи його формулювання як такого, що відрізняється від запиту батьків або установи; 2) дотримуватися етичної позиції, яка стверджує, що знання перебувають на боці суб'єкта; 3) підтримувати суб'єктивність (суб'єктивність) підлітка щодо свого страждання, своєї історії та своїх бажань; 4) виявляти повагу до симптому підлітка як до спроби винайти щось таке, що буде здатне вирішити наявний внутрішній конфлікт або відповідати на тривогу; 5) супроводжувати підлітка в його роботі скорботи за низкою втрат: фалічного батька, інфантильних уявлень про жіноче, Едіпової обіцянки, свого минулого тіла та дитячого місця з Первинної Едіпальної ситуації.

Ключові слова: кастраційний комплекс, психоаналіз, психоаналітична терапія,

пубертат, підлітковий вік, Едіпів комплекс, етика психоаналізу.

The article presents the key psychoanalytic ideas regarding structural transformations, unconscious processes and relationships with the object which characterize adolescence. The logic of adolescence is described as a series of sequences: from infantile psychosexuality to mature one, from reactivation of the Primary Oedipal complex to the resolution of the Secondary, from Imaginary castration to the Symbolic one, from the "castrated" gender to the female, from the Oedipal Super-Ego to the Cultural Super-Ego, from the incestuous object to extra-family object choices, from the Name of the Father to a symbolic set of identification objects. It is shown how acting out and choosing the "impossible object" – thing, alcohol, virtual content, or "nothing" – are adolescent's attempts to cope with puberty challenges. The authors also provide an overview of recommendations regarding the technique of working with adolescents and suggest to base the stated technical aspects on the ground of psychoanalytic ethics. The work formulated 5 points that combine ethics and technical goals in psychoanalytic work with adolescents: 1) to formulate and to follow first of all the request of the adolescent himself or herself; 2) to stay in the ethical position that knowledge is on the subject's side, avoiding "teaching" or "treating" adolescent's opinions, feelings, attitudes; 3) to maintain the subjectivity of the adolescent in relation to his or her suffering, history and desire; 4) to respect the adolescent's symptom as an attempt to invent something that could resolve an existing internal conflict or respond to anxiety; 5) to support the adolescent in his or her work of grief over a number of losses – the phallic father, infantile ideas about the feminine, the Oedipus promise, his or her past body and child's place in the Primary Oedipal situation. **Key words:** adolescence, castration complex, ethics of psychoanalysis, Oedipus complex, psychoanalysis, psychoanalytic therapy, puberty.

УДК 159.964

DOI <https://doi.org/10.32843/2663-5208.2020.12-2.1>

Великодная М.С.

к.психол.н., старший преподаватель кафедры практической психологии Криворожский государственный педагогический университет, клинический психолог, сертифицированный специалист-психоаналитик Украинская ассоциация психоанализа Европейской конфедерации психоаналитических психотерапий **Эделева Е.И.**

клинический психолог, консультант психоаналитической ориентации, член Украинская ассоциация психоанализа

Постановка проблемы. Подростковость как особое время становления субъекта, отмеченное встречей с реальностью пубертата – новой телесностью, сексуальностью, новой жизнью влечений, становится вызовом для всей психической жизни. Психоанализ за более чем 120 лет своего существования нарабатал ряд теорий, концепций и клиниче-

ского опыта, непосредственно относящихся к тем изменениям и операциям, произведение которых ассоциировано с подростковым временем. Следует также признать, что современность предлагает подростку множество на первый взгляд кардинально новых инструментов, чтобы справиться с амбивалентностью его переживаний и бессознательными про-

цессами: просмотр видео, кино, компьютерные игры, социальные сети и другие средства виртуальности [19; 23], а также различные формы рискованного поведения и аддикций [8; 26]. Как психоаналитические теории подходят к объяснению внутренней жизни современного подростка? Как конкретная клиническая работа может опираться на психоанализ, поддерживая субъективность подростка? Попыткой ответить на данные вопросы является эта статья.

Постановка задания. Цель статьи – осветить ключевые психоаналитические концепции, проливающие свет на психодинамику подростковости и психоаналитическую работу с подростком: ее технику и этику.

Изложение основного материала исследования.

1. Психоаналитическая теория о подростковом времени

Работа с опубликованными клиническими случаями и результатами их теоретического осмысления в психоанализе по вопросу преобразований подростковости (включая уже предпринимавшиеся одним из авторов статьи ранее [27]) позволяет отметить ряд ключевых идей.

Подростковость, вхождение в которую связано с началом пубертата, является *переходным этапом*, «турникетом», от инфантильной сексуальности к более поздней зрелой, ассоциируемой с опытом реальных сексуальных отношений [15; 18; 34; 36]. В это время как следствие полового созревания происходит второе пробуждение частичных влечений (орального, анального, по З. Фрейду [36]; голосового, зрительного, по Ж. Лакану [10]), прежнее вытеснение и подавление которых больше невозможно, что заставляет подростка проживать «*комплекс омара*» (Ф. Дольто [30]) – временную утрату своего панциря, а потому незащищенность перед напором вновь пробудившихся влечений.

Именно пубертат делает возможным продвижение в эволюции сексуальной полярности инфантильного развития: от дифференциации «субъект/объект» (живое/неживое), «активный/пассивный», «фаллический/кастрированный» – к дихотомии «*мужской/женский*» (З. Фрейд [35], Ж. Лакан [32]), благодаря открытию женского: женских гениталий, женского наслаждения. Такое открытие возможно лишь в подростковости и для мальчиков, и для девочек, поскольку последним тоже трудно обнаружить в опыте ощущений свой женский орган до того, как он будет «пробужден» половым развитием пубертата.

Благодаря повторному пробуждению влечений после латентного периода и установлению нового принципа разделения полов, влечения только теперь, под верховенством генитального, смогут быть объединены (но, по

Ж. Лакану, только отчасти) и на смену аутоэротичности *направлены на объект*.

Встреча с женским (женской телесностью, женским наслаждением, женскими гениталиями) как с чем-то кардинально другим, «ломающим» логику наличия/отсутствия полового члена – это испытание, которое вначале толкает подростка на поиск объекта, который сможет прикрыть место кастрации. Именно это толкает подростков на поиск всего, что может стать объектом восстановления, скрывать этого реального в телесном созревании. Подходящие подростку для такой цели объекты, пишет О. Уври [18], – это объекты действительности, на которые можно будет спроецировать собственный психический материал, отражающий инаковость этого объекта по отношению к самому себе и отношение зависимости, которое связывает с ним. Качество этого объекта может быть выведено из всей психопатологии подростков: предметы потребления, наркотические вещества, объекты аддикции и других продуктов, вызывающих привыкание, а также объект «ничто», соответствующий анорексии.

Р. Blos тоже отмечает, что особенно в пред-подростковом время (10–12 лет) катексис либидинальных и агрессивных влечений не связан с генитальностью, а прибегает к иным объектам [2]. Объект является наиболее подходящим подростку постольку, поскольку способен установить невозможное в режиме, в котором субъект оказывается сексуальным партнером противоположного пола. По вопросу различия полов этот партнер-объект и воплощает в себе эту радикальную инаковость Другого пола и невозможность полового акта (ведь не существует полового акта с предметом потребления или с наркотиком), предлагая лишь функциональную замену этой сексуальной реальности. Такая замена, представительство заключается в том, чтобы завершить пубертатный квест, построить объект вместо симптома и предложить открытие отношений полов через создание концепции ребенка. О. Уври считает эту находку конечной точкой подросткового процесса [18].

Возрастающее *сексуальное любопытство* подростков коррелирует с активной исследовательской деятельностью и с общей любознательностью [34]. Иногда за навязчивыми мыслями и действиями молодых людей скрываются и одновременно выражаются их интересы к сексуальной жизни. В таком случае часто такие навязчивые мысли и действия сопровождается сильное беспокойство, тревога, страх. В ряде случаев имеет место деперсонализация как утрата чувства целостности.

Если инфантильная сексуальность носила характер полиморфной и была подчинена Эдипову комплексу и комплексу кастрации,

то подростковість зв'язана з проживанням *Вторинного Едіпа* і новою редакцією *кастраційного комплексу* [34–36]. Пробудження сексуальності з новою силою сталкує суб'єкта з реальністю того, що існує нехватка некоего об'єкта, який зможе відповісти на бажання і задовольнити влечення. В самому початку цього процесу підліток ніби відмовляється від існування нехватки і намагається зберегти свій інфантильний світ в минулій редакції (де можна бути фаллосом або володіти фаллосом). Саме цей процес, ця спроба отримала назву *вторинного Едіпа* [13–16]. Цей процес закінчується відкриттям, що фаллосом не володіє ніхто. Отже, едіпове обіцяння з інфантильного періоду «Вот виростеш – зможеш володіти фаллосом» виявиться (і повинно виявитися) неспроможливим.

Але важливо мати на увазі, що *Вторинний Едіп* базується на «досягненнях» первинного Едіпа. Вихід з первинного Едіпа відмічений двома ключовими моментами: це прийняття різниці поколінь і статі. Саме до нього відбудеться повернення в підлітковому переході, коли суб'єкт буде намагатися вписатися в світ дорослих. Вторинний Едіп буде мати сенс тільки в тому випадку, якщо суб'єкт визнав верховенство фаллоса і його відсутність у себе. Іншими словами, щоб суб'єкт зіткнувся з обманом едіпової обіцянки, потрібно, щоб воно було раніше дано і прийнято ним самим [4; 13–16].

Симптом підлітка в багатьох відношеннях зв'язаний з тим, що його положення в сім'ї в дитинстві було положенням означеного, даного йому батьками – матір'ю і батьком [31]. Те, що говориться про дитину, перетворює його самого як суб'єкта і його бажання. Ці сліди також виявляються в роботі з підлітками. Реальні зміни в тілі підлітка, в тому числі за медичними показаннями, посилюють переживання втрати свого минулого тіла і вимагають відповіді на неї симптомом або роботою горя [28].

В час пубертату відбувається *кастрація некого мнимого фаллического батька*, завдяки чому фаллическість стане символічною [18]. Якщо раніше фаллос (як означене задоволення, повноти, відсутності нехватки) належав зображуваному Батьку, то в підлітковості він спочатку переходить до батька в символічному рівні, то єсть метафору Імени батька, а потім до Іменам батька як до множинності [9; 11; 32]. Реальний батько скинутий з п'єдесталу (о чому більш детально описано у М.А. Гуліної [7]), але на нього виставлені інші люди, більш «фаллическі» в очах підлітка, поки він ніколи не відкриє, що не фаллический ніхто. Особливо актуальність питання Батька для підлітка підтверджується

емпіричним дослідженням Н.Л. Васильєвої [25], яка відзначає, що в 9–10 років помітно з'являється в суб'єктивній картині світу, фіксує психодіагностичними методами.

В підлітковості важливо пережити зміну едіпового Сверх-Я, яке є заборончим, на соціальне, *культурне Сверх-Я*, що містить предписання і заборони [13; 15]. Зрив батьківських образів, а точніше, батьківського образу підірвує функціонування інстанцій ідеалів в цей час. Коли Едіпов батько падає з п'єдесталу, діра, з'явившись з-за порожнього неба, відкриває шлях тривоги [4]. Переробка цих інстанцій є операцією, яка лежить в основі підліткового переходу і яка означає структурне розвиток суб'єкта. Інстанції ідеалів суб'єкта в цей час ніби «поломані», отже першим процесом, який наслідок за такою поломкою, буде нарцисизація як процес підтримки Я суб'єкта, а потім невротизація і психотизація, які направлені на відновлення функції Ідеала Я як ідентифікаційної опори підлітка.

Якщо сам характер внутрішнього конфлікту несвідомої сили бере початок в доедіпової інфантильному часі і закріплюється якоюсь точкою в Первинному Едіпі або в латенті, то *клінічна форма* його проявлення утворюється саме в підлітковий час: невроз, перверсія, психоз [5]. Посилення кастраційних страхів здатно викликати у підлітків психозоподібні стани, а у тих, хто вже був схильний до дезінтеграції, може статися зміцнення позицій *психотического ядра* [29].

Особливу роль в підлітковий час має *отыгрывание (acting out)*. Воно служить історическої преемственности Я, синтезуючи його в єдине, і виконує функцію утвердження своїх прав, а також супроводжує в процесі розставання з перед-підлітковими об'єктами [2]. Однак інші дані говорять про те, що отыгрывание є лише одним з нарцисических відповідей Я на почуття сорому поряд з грандіозністю або диссоціацією з депресивно-меланхоліческими переживаннями [22]. D. Hartmann в свій час представила звіти про аналізантах-підлітках, чий отыгрывание пройшло в формі епізодического прийому наркотиків, що виражало бунт проти батьків або аналітика [8].

В підлітковості *любовь к інцестуозному об'єкту* займає своє нове місце, позбувшись еротизма і провини за почуття: «Син здатний відокремити своє бажання від матері і перенести його на іншу жінку поза сім'ї, що усуває у нього почуття провини і ненависті по відношенню до батька. Юноша вже не сдерживает свою

нежность к матери и может также испытывать это чувство по отношению к отцу, а также к своим братьям и сёстрам» [34, с. 110]. Благодаря этому становится возможным любить и вынести обязанности взрослой жизни. На клинических примерах С. Моргенштерн [34] показано, что подростки, не принявшие свою сексуальность и не нашедшие ей объект, испытывают трудности также и в принятии факта, что им надо будет работать.

Современный общественный дискурс затрудняет прохождение подростковости, поскольку *нивелирует нехватку*, предлагая потреблять объекты, которые будут заполнять это место [4; 13–16], а также *нивелирует субъект*, превращая его в виртуальный «профиль» [23].

2. Психоанализ как практика работы с подростками

Относительно психоаналитической работы с подростками практики отмечают особые нюансы, касающиеся изменения в целях и технике работы. D. Atzil-Slonim [1] систематизировала подобные рекомендации в несколько групп:

- *установление и поддержание терапевтических отношений*: требует более активного внимательного слушания, эмпатичности и вовлеченности, а также уважительного отношения вместо нейтральности и отстраненности;

- *отношения переноса-контрпереноса*: более важен новый опыт терапевтических отношений, позволяющий проявиться индивидуальности и потенциалу, однако в переносе может проявиться динамика отношений с родителями и пропуски сессий после плодотворной работы как попытка укрепить автономию;

- *тревоги и защиты*: могут исходить из телесности и нуждаются в переопределении через Я, идентичность, вопрос отношений и потребность в интимности, что позволит использовать защиты более гибко и помогающе;

- *диалектика между внутренним и внешним миром*: эти миры аффицируют друг друга и трудно отделимы в работе с подростком, поскольку он внешнее рассматривает через фильтр внутреннего, а внутреннее постоянно поддается влиянию чего-то или кого-то извне, поэтому аналитику важно учитывать этот баланс, признавая реальность происходящего в жизни подростка.

Подытоживая собственный клинический опыт, К. Eissler [5] приходит к выводу, что в работе с подростками психоаналитику необходимо объединить четыре различные техники:

- *классическую технику*, поскольку она позволяет преодолеть торможение и спра-

виться с симптомами, вызванными чрезмерным сдерживанием проявления влечений в реальности: интерпретация, преодоление сопротивления, анализ переноса, но нужно применять это крайне осторожно, поскольку так защиты от влечений ослабевают еще сильнее, открывая дорогу нарастающую страха и компульсивному отыгрыванию;

- *технику, применяемую с делинквентными пациентами* (правонарушителями), так как она помогает восполнить пробелы или заполнить лакуны в Супер-Эго подростка и обуздать его антисоциальные импульсы: аналитик занимает позицию «дружелюбного Супер-Эго», что дает возможность подростку пассивно реализовывать свои желания нарциссическим и сублимативным образом;

- *технику, разработанную для острой фазы шизофрении*, позволяющую подростку примириться с его окружением, когда становится так невыносимо болезненно, что хочется сдаться Ид: рассказывание историй, маленькие беседы о жизни, принятие и заинтересованность в подростке, его жизни, поддержание удовольствия от сеансов анализа;

- *технику разжигания конфликта между Эго и перверсивными импульсами* подростка, что позволяет защитить бессознательный катексис гетеросексуального выбора объекта и генитального функционирования.

M. Brady описывает работу с подростком как «внутреннюю», «интенсивную», «в движении» и «осязаемую», а также указывает на сильное *эротическое поле* переноса-контрпереноса с подростковым анализантом, существенно отличающимся от работы с детьми или взрослыми интенсивностью задействования тела анализанта и тела аналитика [3]. Автор убеждена, что попытки аналитика игнорировать свои чувства в работе создадут ограничения в возможности в прогрессе самого подростка, поскольку эротизм будет проработан недостаточно.

A. Zachrisson [24] описывает трудности, которые могут помешать подростку пройти свой анализ, среди них – трудности в ментализации, остановка мышления, невозможность выдержать задержку и обход для реализации желаемого, молчание/молчаливость, одиночество (отсутствие друзей), деструктивность и суицидальность.

P. Fonagy и M. Target [6] показали, что среди подростков от 9 лет и старше, страдающих от расстройств «взрывной» группы (импульсивное, оппозиционное, гиперактивное и т. д.), были эмпирически выделены факторы, влияющие на вероятность того, что подросток не прервет анализ: меньший возраст, наличие трудностей в обучении, интенсивность сессинга (частота сессий), наличие психиатрической симптоматики у матери.

Также важно отметить, что опрос 20 современных американских психоаналитиков, работающих и с детьми, и с подростками, показал, что во время работы с подростками они существенно меньше нуждаются в задействовании родителей, а также в меньшей степени полагают, что за прерывания в работе ответственные родители, а не сам анализант [20].

Но каковы результаты, которых может достичь подросток в случае, если психоаналитическая работа все же не будет прервана? K.R. Eissler [5] приходит к выводу, что иногда подростку необходимо посещать психоаналитика просто для того, чтобы хоть немного поддержать функционирование своего Эго и избежать чрезмерной регрессии. В таких случаях собственно анализа с классической технической точки зрения нет, но опыт встреч с психоаналитиком как новый тип отношений часто позже побуждает подростков обратиться к психоаналитику во взрослости.

По данным M. Smaller [21], подростки, прошедшие психоанализ 1 раз в неделю в течение года в собственной школе, в конце показали большее самопонимание и честность в ответах тестов, чем было в начале, а также существенно снизили уровень депрессии в сравнении со сверстниками, не имевшим этого опыта.

Однако в таком «техническом» подходе к модификации работы с подростком и к формулированию ее целей важно не упустить этическую сторону позиции психоаналитика.

3. Психоанализ подростка как этика

Размышляя над этической стороной психоанализа на семинарах 1959–1960 годов, Ж. Лакан приходит к радикальному заключению: психоанализ и есть этика [12]. Эта позиция базируется на ряде идей, прослеживающихся еще в клинической работе З. Фрейда, но получивших свое развитие и формулирование преимущественно лакановской школой [4; 13–18], а именно:

1. Субъект бессознательного – это субъект желания. Постигание своего бессознательного означает встречу с собой желающим, с собой, имеющим нехватку и отвечающим на эту нехватку своим уникальным образом. Психоанализ – не потакание и не вседозволенность любым желаниям, а вопрошание, действительно ли субъект хочет именно этого. И это будет изобретением самого субъекта, как именно со своим желанием обойтись.

2. Знание находится на стороне самого субъекта. Именно он, а не психоаналитик является подлинным свидетелем его внутренней и внешней жизни и тем, кто способен, следуя свободным ассоциациям, высказать нечто важное о себе и своей истории.

3. Этика психоанализа – это этика желания, что верно и для самого психоаналитика.

Если им движет желание «лечить», «поучать» или «делать добро», такая работа не сможет стать психоанализом и не приблизится к субъекту, его истине. Однако в переносе место психоаналитика для анализанта – это место «якобы знающего», что позволяет анализу состояться.

В работе с детьми и подростками близкую позицию занимает Ф. Дольто [30], подчеркивая значение того, чтобы говорить с юным субъектом о нем самом, о его истории и его вопросах. В работе психоаналитика важно определить, какими вопросами задается сам ребенок или подросток, и сопроводить его в желании нечто понять о себе, так как на этом построено желание жить. Или, как писала С. Моргенштерн, задача психоаналитика – поддержать любопытство самого подростка [34].

Выводы из проведенного исследования. Подростковость является временем, в котором субъект обнаруживает, что его прошлые ответы на вопросы пола, тела, разницы поколений оказались несостоятельными, и поэтому терпит сокрушительный нарциссический провал. Прежние защитные образования и Эдипово обещание, послужившие дамбой для влечений в прежние детские время, проходят новые испытания в наплыве влечений. Плотина, сдерживающая влечения инфантильной сексуальности, оказывается более неспособной справиться с напором влечений пубертата, с одной стороны, и с открытиями взрослости – с другой. Подростку приходится тестировать прошлые и изобретать новые способы совладать со своим возбуждением и с желаниями, получившими новые инвестиции либидо. Пробуждение влечений, прежде дремлющих в латенте, снова сексуализирует практически все сферы жизни субъекта, а поэтому возвращает к жизни, реактивирует эдипальные переживания и вопрос о Фаллосе. Проживая Вторичный Эдипов комплекс и столкнувшись с неизбежностью кастрации, от которых больше не защититься Эдиповым обещанием, подросток оказывается раздираем сильными чувствами к себе и к объектам. Родители теперь свергнуты с пьедестала как не умеющие «полно наслаждаться», на это место компульсивно помещаются новые и новые объекты, однако быстро оказываются такими же «кастрированными». Отыгрывание или выбор «невозможного объекта» – вещи, алкоголя, виртуального контента или «ничто» – являются попытками подростка совладать и переработать вызовы пубертата. Принятие этой тотальной кастрации фаллического порядка как символической операции позволяет произвести смену Эдипального Сверх-Я Культурным, а также открыть для себя женское и снова смочь

желать, будучи отмеченным нехваткой. Психоанализ как этическая практика призвана сопроводить субъекта в его подростковости с тем, чтобы сконструировать свой вопрос и свое желание, позволяющие жить и искать для себя частичные удовлетворения.

Подытоживая изложенные концепции и клинические предложения, мы, следуя этике психоанализа подрастающего субъекта, сформулированной Ж. Лаканом [9–12; 31–33], Ф. Дольто [30], С. Моргенштерн [34], С. Лесуром [13–16], Д. Дружиненко-Силян [4] и О. Уври [18], а также опираясь на собственный клинический опыт, добавили бы к изложенным положениям *о целях и технике психоанализа подростка* следующие:

– следовать запросу подростка, сопровождая его формулирование как отличающееся от запроса родителей или учреждения. При этом другие запросы должны быть услышаны и учтены, однако без цели их прямой реализации, так как это превратило бы работу с подростком из психоаналитической в воспитательную;

– придерживаться этической позиции, гласящей, что знание находится на стороне субъекта: «Что Вы сами думаете об этом? Почему, на Ваш взгляд, отец так говорит? В какой момент все так изменилось? Как Вы думаете, что бы их устроило?» и т.д. Это позволит также избежать конфронтации подростком психоаналитика как некоего очередного «родителя», морализатора, «знающего», а также предупредит преждевременное прерывание анализа;

– поддерживать субъективность (субъектность) подростка по отношению к своему страданию, своей истории и своему желанию: рассматривать его находки в плане смыслов, связей, идей о реальности как нечто крайне ценное для его психической работы и взросления, не пытаясь ставить это под сомнение или разламывать;

– проявлять уважение к симптому подростка как к попытке изобрести что-то, что способно разрешить имеющийся внутренний конфликт или ответить на тревогу;

– сопровождать подростка в его работе горя по ряду утрат: фалличного отца, инфантильных представлений о женском, Эдипова обещания, своего прошлого тела и детского места из Первичной Эдипальной ситуации.

В качестве иллюстрации описанной работы мы хотели бы привести пример клинического случая с подростком, материалы которого будут опубликованы в ближайшее время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Atzil-Slonim D. Psychodynamic psychotherapy for adolescents. *Contemporary Psychodynamic Psychotherapy*. Academic Press, 2019. P. 253–266.

2. Blos P. *The Adolescent Passage*. New York, 1979.

3. Brady M. Braving the erotic field in the treatment of adolescents. *Journal of Child Psychotherapy*. 2018.

4. Druzhinenko D. Le Père “impuissant” et l’objet a “impossible”: impasses adolescentes dans le lien social actuel. Dissertation, 2012.

5. Eissler K.R. Notes on Problems of Technique in the Psychoanalytic Treatment of Adolescents. *The Psychoanalytic Study of the Child*. 1958. № 13:1. P. 223–254.

6. Fonagy P., Target M. The efficacy of psychoanalysis for children with disruptive disorders. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 1994. № 33 (1). P. 45–55.

7. Gulina M.A. Hypostases and Transformations of the Concept of the Father in Psychoanalysis. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2018. Vol. 26. № 1. P. 129–145.

8. Hartmann D. A Study of Drug-Taking Adolescents. *The Psychoanalytic Study of the Child*. 1969. № 24:1. P. 384–398.

9. Lacan J. Le mythe individuel du névrosé: poésie et vérité dans la névrosé. Ornicar, 1953.

10. Lacan J. Le symbolique, l’imaginaire et le réel. 1953.

11. Lacan J. Les complexes familiaux en pathologie. Editions des Grandes-Têtes-Molles de notre époque, 1938.

12. Lacan J. The ethics of psychoanalysis 1959–1960: The seminar of Jacques Lacan. Routledge, 2013.

13. Lesourd S. Adolescences... Rencontre du féminin. Érès, 2002.

14. Lesourd S. Comment taire le sujet? Érès, 2012.

15. Lesourd S. La construction adolescente. Érès, 2013.

16. Lesourd S. La construction différentielle du sujet. Comment taire le sujet? *Des discours aux parolottes libérales, sous la direction de Lesourd Serge*. Toulouse, ERES, “Humus – subjectivité et lien social”, 2006. P. 52–56.

17. Marty F. Le dévoilement du génital. Le génital et la puberté dans l’œuvre de S. Freud. *Actualités psychopathologiques de l’adolescence*. De Boeck Supérieur “Oxalis”, 2009. P. 31–44.

18. Ouvry O. Des théories sexuelles infantiles à la sexualité adulte. *De l’infantile au juvenile*. ERES “Le Bachelier”, 2006. P. 49–64.

19. Podolskiy A.I., Druzhinenko D.A., Podolskiy O.A. & Schmoll P. Using videogames to treat childhood obesity. *Psychology in Russia*. 2014. № 7(4). P. 51–64.

20. Rice T., Derish N. & Hoffman L. Child and Adolescent Psychoanalysis as Contemporary Psychotherapy: Insights From a Semistructured Interview of Practitioners. *American journal of psychotherapy*. 2018. № 71 (2). P. 65–69.

21. Smaller M.D. Psychoanalysis and the forward edge hit the streets: The Analytic Service to Adolescents Program (ASAP). *Psychoanalytic Inquiry*. 2012. № 32(2). P. 136–146.

22. Streek-Fischer A. Entwicklungslinien der Adoleszenz. Narzissmus und Uebergangdsphaenomene. *Psyche*. 1994. № 9. P. 509–528.

23. Vinocur Fischbein S. Psychoanalysis and virtual reality. *The International Journal of Psychoanalysis*. 2010. № 91:4. P. 985–988.
24. Zachrisson A. Analytic work with adolescents // *The Scandinavian Psychoanalytic Review*. 2006. № 29:2. P. 106–114.
25. Васильева Н.Л. Психоаналитический подход в системе психологического сопровождения развития детей и подростков : автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Санкт-Петербург : ГУ, 2007.
26. Великодна М.С. Психодіагностика ставлення підлітків до ризикованої поведінки: модифікація колірною тесту ставлень. *Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Психологічні науки»*. Вип. 1. Т. 2. С. 17–22.
27. Великодна М.С. Теоретичні погляди на особистісну зрілість у психоаналітичних теоріях. *Особистісна зрілість як проблема сучасної психології : колективна монографія*. Кривий Ріг : КДПУ, 2019. С. 52–58.
28. Великодная М.С. Тело как залог Другому. *Ребенок-объект, ребенок-субъект : материалы XIX семинара Фрейдова поля в Украине (20–21 апреля 2013, Симферополь, АР Крым)*. Симферополь, 2013. С. 87–94.
29. Вертманн А. Психоанализ подростков. *Консультативная психология и психотерапия*. 1999. Том 7. № 3. С. 133–154.
30. Дольто Ф. На стороне подростка. Litres, 2017.
31. Лакан Ж. Заметка о ребенке. *Международный психоаналитический журнал*. № 2. С. 59–62.
32. Лакан Ж. Значение фаллоса. *Международный психоаналитический журнал*. № 0. С. 7–20.
33. Лакан Ж. О вопросе, предваряющем любой возможный подход к работе с психозом. *Международный психоаналитический журнал*. № 2. С. 7–58.
34. Моргенштерн С. Детский психоанализ: Структура личности. Характерология. Клиническая практика. Киев : МИГП, 2015.
35. Фрейд З. Сексуальная жизнь. Москва : ООО «Фирма СТД», 2006.
36. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. Москва : Просвещение, 1990.